

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова
Санкт-Петербургский филиал

Санкт-Петербургский институт истории

РУССКАЯ НАУКА В БИОГРАФИЧЕСКИХ ОЧЕРКАХ

С.-ПЕТЕРБУРГ

2003

³⁷ Этим сенсационным открытием наука обязана, как известно, американскому ученому И. Шевченко. См.: *Ševčenko I. The Date and Author of so-called Fragments of Toparcha Gothicus* // DOP. 1971. Vol. 25. P. 115–188 + Plates 1–28.

³⁸ Подробнее о наших наблюдениях, а также догадке в отношении литературного источника, использованного Газе при воссоздании событий, запечатленных в «Записке», см.: *Medvedev I. Ιστορία ενός πλαστογράφου: ο λεγόμενος Toparcha Gothicus* // BYZANTINA. 2000. Т. 21. Σ. 237–249 (нами опубликован и русский вариант статьи, см.: *Медведев И. П. К вопросу о неподлинности т. н. Записки Готского топарха* // Мир Александра Каждана: К 80-летию со дня рождения. СПб., 2003. С. 160–172).

³⁹ О наиболее «продвинутом» из этих издательских проектов — «Хронографии» Пселла — см.: *Медведев И. П. Малоизвестный проект первого издания «Хронографии» Михаила Пселла* // ВВ. 2001. Т. 60 (85). С. 183–191.

А. И. Сапожников

Генерал П. П. Сухтелен и его военно-исторические сочинения

В одном из залов Государственного Русского музея висит портрет кисти О. А. Кипренского, в течение нескольких десятилетий считавшийся изображением Д. В. Давыдова, но разыскания искусствоведов, знакомых с униформологией, позволили доказать, что это портрет двоюродного брата поэта-партизана — Е. В. Давыдова. Этот пример переатрибуции стал классическим в искусствоведении и даже попал на страницы учебных пособий. Но все же подобная путаница с однофамильцами более характерна для историографии: например, с графами П. К. и П. П. Сухтеленами — отцом и старшим сыном, у которых совпадали не только первые буквы имен, но и достаточно редкая должность генерал-квартирмейстера. Портреты обоих Сухтеленов помещены в Военной галерее Зимнего дворца — случай уникальный, другого такого примера (отец и сын) в ней нет. Уже современники стали приписывать отцу, пережившему сына, заслуги последнего, в том числе — при указании авторства книги «Картина военных действий в Финляндии...» (СПб, 1832). Историки часто их путают при комментировании исторических документов и мемуаров. Желание устранить эту несправедливость и послужило поводом для написания данной статьи.

Павел Петрович родился в Петербурге 23 августа 1788 г., вскоре после начала русско-шведской войны, во время которой отличился его отец — Ян-Питер ван Сухтелен (1751–1836). Этот голландский инженер был приглашен в 1783 г. на службу в Россию и здесь стал зваться по-русски Петром Корнилиевичем. Впоследствии П. К. Сухтелен дослужился до чина полного генерала, удостоился графского титула и занимал целый ряд важных постов: генерал-квартирмейстера, инспектора Инженерного департамента, члена Государственного Совета и др. В 1806 г.

Сухтелены приняли российское подданство. По окончании войны в Финляндии, в 1809 г., П. К. Сухтелен был послан «по особому поручению» в Стокгольм, где способствовал заключению русско-шведского военного союза в августе 1812 г., когда армия Наполеона стояла у стен Москвы. В качестве личного представителя русского императора Петр Корнилиевич прожил в шведской столице более четверти века. В 1812 г. император Александр I пожаловал ему баронский титул, спустя десять лет — титул графа Великого Княжества Финляндского. В течение жизни П. К. Сухтелен собрал богатейшую библиотеку, коллекцию рукописей, собрание произведений искусства, ныне хранящиеся в музеях и библиотеках России, Финляндии и Польши.

П. П. Сухтелен получил хорошее образование, знал французский, немецкий, голландский, шведский и итальянский языки, прекрасно чертил и рисовал.¹ В 1802 г. отец зачислил его на военную службу под свою команду — колонновожатым в Свиту Его Императорского Величества по квартирмейстерской части, и уже год спустя он получил чин подпоручика (5 августа 1803 г.). Перед юным офицером, сыном крупного военачальника, были открыты все пути для успешной карьеры. В сентябре 1804 г., опять же по протекции отца, его перевели в самый престижный полк русской гвардии — Кавалергардский.

В сражении при Аустерлице 4-й эскадрон Кавалергардского полка, в котором служил корнет Сухтелен, попал под удар французской гвардейской кавалерии и был смят. Павел Петрович, получивший в этом бою две раны — саблей в голову и осколком ядра в правую ногу, вместе с командиром эскадрона князем Н. Г. Репниным-Волконским попал в плен. Прямо на поле сражения пленные русские кавалергарды были представлены Наполеону и между ними произошел любопытный разговор, впоследствии записанный Репниным-Волконским:

«Napoleon: ...quel est ce jeune homme à côté de vous? [Кто этот молодой человек подле вас?]

Repnin: C'est le fils du général Suchtelen, il sert comme lieutenant dans mon escadron.[Это сын генерала Сухтелена, он корнет в моем эскадроне]

Napoleon: Il est venu bien jeune se frotter à nous.[Он слишком молодым вздумал сразиться с нами]

Suchtelen: On n'a pas besoin d'être vieux pour être brave. [Молодость не мешает быть храбрым]

Napoleon: Bien répondu, jeune homme, vous ferez votre chemin... [Прекрасный ответ, молодой человек, вы далеко пойдете.]»²

Историк А. И. Михайловский-Данилевский включил разговор пленных кавалергардов с Наполеоном в «Описание войны 1805 года», впоследствии Л. Н. Толстой использовал его в романе «Война и мир», и таким образом Павел Петрович стал героем знаменитого романа. По приказу Наполеона художник Ф. Жерар запечатлел пленных русских офицеров на картине «Аустерлицкое сражение». Можно отметить некоторое внешнее сходство между корнетом Сухтеленом и раненым в руку офицером, изображенным на картине, что же касается характера ранения, то художник, вероятно, выбрал более выигрывающую композицию. Любопытный

ческий анекдот с течением времени обрастает все новыми, уже легендарными подробностями, и впоследствии утверждали, что свой ответ великому полководцу молодой Сухтелен сопроводил строками из трагедии Корнеля «Сид»:

*Je suis jeune, il-est vrai, mais aux âmes bien nées,
La valeur n'attend pas le nombre des années.³*

В апреле 1806 года Павел Петрович вернулся из плена и был награжден золотой шпагой с надписью «За храбрость» и чином поручика. Он участвовал в прусской кампании 1807 г., отличился в сражениях под Гейльсбергом и Фридландом. После подписания Тильзитского мирного договора сын сопровождал отца во время инспекции инженерных сооружений на западной границе от Балтийского до Черного моря. Наградой для него за эту поездку, затянувшуюся почти на полгода, стал орден Св. Владимира IV степени. В 1808—1809 гг. он состоял при отце во время русско-шведской войны, когда генерал П. К. Сухтелен исполнял обязанности начальника штаба всей русской армии и фактически руководил войсками. Павел Петрович отличился при занятии Ловицы, Борго и Гельсингфорса. Весной 1808 г. русские войска осадили считавшийся неприступным Свеаборг — важнейшую крепость в Финляндии, где укрылась третья часть всей шведской армии. Сухтелен-старший поручил сыну вступить в переговоры с адмиралом О. Кронстедтом, возглавлявшим оборону этой твердыни.⁴ Переговоры удалось завязать, затем в ход были пущены разнообразные дипломатические уловки и спустя несколько месяцев защитники Свеаборга сдались, что предредило исход всей войны и судьбу Финляндии. Поручик Сухтелен был послан к императору с сообщением о падении Свеаборга, и Александр I, получив столь радостное известие, назначил его своим флигель-адъютантом (23 марта 1808 г.). Вернувшись в армию, Павел Петрович участвовал в сражениях при Иденсальми, Куопио и Лапфиорде. Во время перехода русских войск по льду Ботнического залива он находился в авангарде генерала Я. П. Кульнева, занявшего Аландские острова и достигшего Грисельгама, что вызвало панику в Стокгольме.

По окончании военных действий П. П. Сухтелен возвратился в Петербург. Он был хорошо осведомлен о последних событиях в Стокгольме, где на сейме низложили короля Густава IV, так неудачно закончившего войну. Желая произвести впечатление своей осведомленностью, молодой флигель-адъютант рассуждал о шведских событиях в петербургских салонах. Более неподходящего времени найти было трудно: после подписания унижительного Тильзитского мира с Наполеоном в России многие были недовольны императором. Излишняя болтливость Сухтелена встревожила «без лести преданного» графа А. А. Аракчеева, сообщившего Александру I: «Государь, надобно запретить флигель-адъютанту Сухтелену рассказывать у Вас в городе о происшествиях стокгольмских в рассуждении ареста короля. Право, не надобно сию чуму у нас прививать публике».⁵ Однако этот донос никак не отразился на продвижении в чинах — вскоре Сухтелен получил очередной чин штабс-ротмистра (10 мая 1809 г.).

20 июля 1810 г. Павла Петровича командировали к отцу, находившемуся с дипломатической миссией в Стокгольме.⁶ Там он провел около года и был свидетелем важных политических происшествий. Осенью 1810 г. наследным шведским принцем избрали французского маршала Бернадота, принявшего имя Карла-Юхана. Вскоре престарелый король Карл XIII устранился от всех государственных дел и передал бразды правления в руки преемника. Однако бывший французский маршал не захотел оставаться на троне вассалом Наполеона и стал искать сближения с Россией. В этом ему активно способствовал П. К. Сухтелен, сумевший установить с Карлом-Юханом доверительные отношения, что впоследствии неоднократно использовало российское правительство.

В августе 1811 г. П. П. Сухтелена направили в Молдавскую армию, главнокомандующим которой в то время был М. И. Кутузов. Сохранилось одно из рекомендательных писем, взятых им с собою: «Письмо это тебе отдаст Сухтелен; он важный малый, и я надеюсь, что ты его полюбишь, ибо он не из числа молодых людей, которые, кроме себя, никого не почитают, которые презирают всех, что прежде их родился. Он даже тем странен, что слушает и любит своего отца».⁷

Вскоре Павел Петрович отличился: он вызвался доставить приказ главнокомандующего к генералу Е. И. Маркову, находившемуся со своим корпусом на другом берегу Дуная, и во время опасной переправы получил ранение. Наградой за этот и другие подвиги стал орден Св. Анны II степени, в рескрипте на который сказано следующее: «В вознаграждение отличной храбрости, оказанной вами противу турецких войск 1811 г. при овладении октября 2-го визирским лагерем, на правом берегу Дуная близ Рущука находившимся, а с 3 на 4 число острова, лежащего на Дунае позади Турецкого лагеря, на левом берегу расположенного, где вы, находясь всегда или с охотниками, или впереди с кавалериею, благоразумными своими содействиями, мужеством и неустрашимостью подавали пример и все возлагаемое на вас исполняли с особливою деятельностью и успехами, жалую вас кавалером ордена святой Анны 2 класса».⁸ 11 октября 1811 г. его произвели в ротмистры.

В феврале 1812 г. Павла Петровича назначили сопровождать отца, командированного в Стокгольм для подготовки крайне необходимого России русско-шведского военного союза и подписания мирного договора с Англией. В послужном списке П. П. Сухтелена отмечено, что некоторое время он находился на английской эскадре вице-адмирала Дж. Сомареца в Балтийском море. К этому времени относится пожалование ему шведского ордена Меча. В Россию молодой офицер вернулся только в конце 1812 г. и сразу же отправился в действующую армию. 2 декабря 1812 г. генерал Витгенштейн назначил его в авангард своего корпуса.⁹ С этого времени Сухтелен принимал участие в преследовании французской армии, за которое был награжден орденом Св. Анны II степени с алмазами. Однако в рескрипте, вероятно, по ошибке говорится об его заслугах начиная с октября, когда он был еще в Швеции: «в воздаяние ревностной службы вашей и отличия, оказанного в сражениях противу французских войск 1812 года октября с 18 числа по январь месяц 1813-го года в разных арьергардных делах под командой ге-

нерал-адъютанта барона Дибича». ¹⁰

20 февраля 1813 г. Сухтелен получил чин полковника. В сражении при Зеггаузене (22 февраля) Павел Петрович получил ранение пулей в правую руку и был награжден орденом Св. Анны II степени с алмазами и прусским орденом «Pour le merite». В сражении при Люнебурге (21 марта) он исполнял обязанности начальника штаба корпуса Вальмодена. В августе, после перемирия, его назначают дежурным обер-офицером корпуса Витгенштейна. За сражения под Дрезденом и Пирной он был награжден прусским орденом Красного Орла III степени.

Граф П. П. Сухтелен

Существует исторический анекдот о том, что Сухтелен получил орден Св. Георгия IV степени из рук генерала Витгенштейна непосредственно на поле Лейпцигского сражения (4 – 6 октября 1813 г.) и в тот же день ему прислали точно такой орден из Главной квартиры за отличие в предыдущих сражениях. Действительно, официальная дата его награждения этим орденом – 29 сентября 1813 г., еще несколько дней могло уйти на оформление документов и т. д. За участие в Лейпцигском сражении Сухтелен получил орден Св. Владимира III степени, в рескрипте отмечено, что он в этот день состоял при Витгенштейне и выполнял его поручения.

6 декабря 1813 г. полковник Сухтелен был назначен командиром Волынского уланского полка, с которым принял участие в походе 1814 г. 1 февраля Сухтелен отличился при взятии города Суассон и был произведен в генерал-майоры. Его непосредственный командир генерал Винценгероде так описал в рапорте действия своего подчиненного в тот день: «...был послан обрекогносцировать город Суассон с 2-мя орудиями, 2 эскадронами улан и казачьими Сысоева и Дячкина полками; подойдя к С. Круи, встречен был неприятелем, который в числе 700 человек пехоты занимал селение; полковник Сухтелен послал оба сии казачьи полка отрезать сему неприятелю дорогу, из С. Круи в Суассон идущую. Атаковав неприятеля с фронта его уланами и в то же время действуя с выгодной высоты картечью на оно, понудил его оставить С. Круи и выйти на открытое место, атаковав его со всех сторон, истребил всю сию колонну. 1 февраля, командуя правым флангом приступа к г. Суассону, состоявшим из 4-х орудий, 2 эскадронов улан, полка Дячкина и двух рот егерей, он первый открыл действие на город и распоряжался

вверенною ему горстью войск и с совершенной благоразумностью подошел к городу на картечный выстрел. По его распоряжению отряд его сбил неприятельскую батарею, над воротами стоявшую; в то же время стрелки его поражали неприятеля, на стене находящегося. По завладении же городскими воротами, он первый с 2 эскадронами улан и казачьими Балабина и Власова полками бросился в город и послан был преследовать спасающуюся бегством неприятельскую колонну по Компиеской дороге, которую, настигнув, благоразумным распоряжением принудил сдаться военнопленными, при чем отбито еще одно орудие».¹¹ Затем Павел Петрович участвовал в сражениях при Лаоне (26 февраля), взятии Реймса (6 марта) и был награжден прусским орденом Красного Орла II степени.

После вступления русской армии в Париж его вновь отправили к отцу, находившемуся в то время при Главной квартире шведской армии в Норвегии. Согласно Кильскому мирному договору Дания уступила Норвегию Швеции, но норвежцы признали власть нового короля только под угрозой войны. За участие в походе в Норвегию П. П. Сухтелен был награжден шведской золотой медалью «За храбрость».

Осенью 1814 г., на Венском конгрессе, генерал-майор Сухтелен состоял в свите императора, но в конце года отпросился в отпуск для женитьбы. Его женой стала графиня Варвара Дмитриевна Зубова, племянница последнего фаворита Екатерины II. К сожалению, их брак оказался неудачен: впоследствии супруги жили отдельно, единственная дочь Ольга, фрейлина Высочайшего двора, осталась с отцом.

Павел Петрович участвовал в походе 1815 г., командовал отдельным отрядом на левом фланге армии. После окончательной победы над Наполеоном Сухтелен некоторое время управлял департаментом Об во Франции, за что король наградил его орденом Св. Людовика. 11 октября 1815 г. он был назначен командиром 1-й бригады 2-й гусарской дивизии и вернулся в Россию. К этим же годам относится участие Сухтелена в петербургской масонской ложе «Соединенных друзей» (*Les Amis Réunis*),¹² где собирались гвардейские офицеры, аристократия, крупные чиновники и ученые. Это была одна из самых модных лож того времени, более напоминавшая собою столичный клуб.

В августе-октябре 1816 г. его вновь командировали в Швецию,¹³ в это время он вел дневник, в котором, помимо впечатлений от поездки, содержатся придворные новости и сведения о назначениях. Откровенность дневника, наличие в нем сведений, явно не предназначавшихся для огласки, привели к тому, что его публикация, спустя полвека, на страницах «Русского архива» так и осталась незавершенной.¹⁴

В конце 1817 г. флигель-адъютант Сухтелен сопровождал императора во время поездки в Москву. К этому времени относится отзыв о нем князя И. М. Долгорукова: «Генерал-майор, очень любезный молодой человек, с которым я лишь познакомился, то и полюбились мы друг другу. Все располагает в его пользу: правила, разум, чувства и поступки; мы с ним целую зиму проводили в Москве в довольно приятном сообществе. Он до стихов охотник, я также. Это нас теснее

еще соединило и, по разлуке с ним, я получил от него стихотворную французскую пьесу, которую он, сочиня, рассудил посвятить мне». ¹⁵ Оказывается, боевой генерал в свободное время баловался стихами на французском языке.

Первые четыре месяца 1819 г. Павел Петрович провел в отпуске в Швеции, в гостях у отца. Вернувшись в Россию, он трижды переменял должность в течение второй половины 1819 года, вероятно, не желая покидать столицу и служить в провинции: 31 июля — командир 1-й бригады Литовской уланской дивизии; 4 октября — командир 1-й бригады 1-й гусарской дивизии, квартировавшей в Тамбовской и Нижегородской губерниях; и наконец 23 ноября его назначили состоять при начальнике легкой гвардейской кавалерийской дивизии А. И. Чернышеве, т. е. оставили в Петербурге. После восстания лейб-гвардии Семеновского полка Павел Петрович подробно рассказал о петербургских происшествиях в письме к отцу, от которого информация просочилась на страницы стокгольмских газет. Александр I был раздражен и дал почувствовать это виновному в утечке информации. В 1823 г. Павел Петрович сетовал в письме к влиятельному другу, что уже почти десять лет проходил в генерал-майорском чине. Современники отмечали, что последние годы царствования Александра I П. П. Сухтелен и его младший брат Константин были в немилости у императора. ¹⁶ 26 сентября 1823 г. генерал-майора П. П. Сухтелена все же назначили командиром 1-й бригады 1-й гусарской дивизии, этого назначения ему удалось избежать в 1819 г. Командир Московского драгунского полка, полковник К. П. Сухтелен 20 марта 1824 г. был уволен «за ранами» в отставку. Однако высокое положение, занимаемое отцом, и его влияние при дворе сыграли спасительную роль. В 1822 г. П. К. Сухтелену-старшему вместе с потомством был пожалован графский титул Великого Княжества Финляндского. В декабре того же года Павел Петрович вновь ездил в Швецию, причем подробности поездки сообщал в письмах лично вице-канцлеру. Из них видно, что шведский король Карл XIV Юхан встретил его очень приветливо: «На следующий день король пригласил моего отца и меня провести вечер в его замке, сказав мне, что он не хочет, чтобы товарища по оружию и сына его друга представляли ему как постороннего для него человека». ¹⁷ На современном дипломатическом языке подобный прием называют «встречей без галстуков». Об этом факте мы еще вспомним ниже, когда речь пойдет о военно-историческом сочинении, посвященном русско-шведской войне 1808—1809 гг.

14 октября 1825 г. он взял трехмесячный отпуск для очередной поездки в Стокгольм ¹⁸ и, будучи там, узнал о восстании декабристов. С воцарением нового императора карьера Сухтелена стала набирать обороты, во многом благодаря влиятельным друзьям семьи, под командой которых он ранее служил: И. И. Дибич, А. И. Чернышев, братья Бенкендорф. 20 мая 1826 г. император назначил его генерал-квартирмейстером Главного штаба, на должность, требовавшую специальных знаний. Интересно, как прокомментировал это назначение близкий ко двору генерал Н. И. Селявин: «Сухтелену квартирмейстерская часть не подчинена, а поступил только под непосредственное его начальство Ф. А. Дурново, назначенный правителем дел канцелярии управляющего квартирмейстерской частью и вместе

с тем инспектором дома». ¹⁹ Большую часть пребывания на посту генерал-квартирмейстера — около пяти лет — Сухтелен провел в различных командировках и физически не мог полноценно руководить вверенным ему ведомством. Летом 1826 г. Павел Петрович сопровождал императора во время поездки в Москву на коронационные торжества, где был произведен в генерал-лейтенанты.

Приближалась очередная война с Турцией. Осенью 1826 г. Сухтелен подал начальнику Главного штаба И. И. Дибичу ²⁰ три записки с планами предстоящих военных действий. Надо сказать, что главной отличительной чертой большинства проектов Сухтелена было, к сожалению, их «прожектерство». Он мог генерировать блестящие идеи, но не продумывал их до конца, пускаясь в общие рассуждения на прекрасном французском языке, которым написаны все его сочинения. Дибич резко раскритиковал все три записки Сухтелена, поскольку, в отличие от него, был уверен в необходимости переноса театра военных действий за Балканы, до этого считавшиеся непреодолимыми. ²¹ Именно за эту мысль, точнее за ее воплощение в жизнь, в 1829 г. он получил титул графа Дибича-Забалканского.

К этому же времени относится еще одна записка Сухтелена — «Мысли о способах ведения военной рекогносцировки в Турецкой Империи», ²² в которой он предложил использовать в разведывательных целях дипломатическое прикрытие. Эту идею нельзя признать оригинальной и новой — еще в античности дипломатические контакты использовали для разведки. Примечательным в этой записке является предложение назначить послом в Константинополе «заслуженного воина», возможно, автор имел в виду себя.

17 мая 1827 г. под Вязьмой в присутствии императора прошли маневры, по окончании которых генерал-квартирмейстер П. П. Сухтелен был награжден орденом Св. Анны I степени. ²³ Спустя два месяца (14 июля) его направили на Кавказ для поддержки нового главнокомандующего И. Ф. Паскевича, сменившего знаменитого А. П. Ермолова. С царским любимцем Сухтелен был в самых дружеских отношениях, о чем свидетельствует переписка, частично опубликованная. ²⁴ В штабе Кавказского корпуса — генералы А. А. Вельяминов, Н. Н. Муравьев, М. А. Коцебу — встретили Паскевича неприветливо. Чтобы уменьшить влияние сторонников Ермолова, Сухтелена назначили начальником штаба корпуса, в этой должности он пробыл всю персидскую кампанию. Интересно, что по свидетельству Муравьева, отношения между главнокомандующим и начальником штаба к концу кампании разладились: «Сухтелен много терпел от обращения Паскевича, но он все вооружался терпением и старался, сколько можно, соблюсти хотя наружные приличия. Он говорил, что брань начальника принимал он как советы отца и потому не мог сердиться за оные; однако же я был сам свидетелем, как Паскевич, пришедши однажды в палатку к Сухтелену, стал браниться за какие-то поступки, говоря с Сухтеленом довольно дерзко. Сухтелен занимался тогда, и, видя Паскевича недовольным, он встал и слушал его; но когда уже тот вышел из границ вежливости, тогда Сухтелен сам осердился и, взяв трубку свою, сел, сказав, что ему не время и что у него дело есть. Паскевич перенес сие, но припомнил после и рас-

стался с ним недружно по окончании войны».²⁵ Однако на послужном списке непочтительное обращение с любимцем императора никак не отразилось.

За взятие Сардар-Аббада (20 сентября) Сухтелен был награжден алмазными знаками ордена Св. Анны I степени. Во время штурма Эривани (1 октября) он атаковал во главе двух рот Гвардейского сводного полка мечеть, где укрылись последние защитники крепости, и лично обезоружил командовавшего ими Гасан-хана. Этот подвиг был отмечен орденом Св. Георгия III степени. 6 ноября граф Сухтелен принял персидского наследника Аббаса-Мирзу, приехавшего в Дей-Карган для переговоров о мире, и после неудачного их завершения, уже в начале 1828 г., получил приказ занять Ардебиль — священный для персиян город, место коронации шахов.

Русские войска вошли в Ардебиль 25 января 1828 г. Именно Павел Петрович отправил в Петербург ценнейшее собрание восточных рукописей, хранившееся в вакфе гробницы шейха Сефи, основателя династии Сефивидов.²⁶ Эта уникальная коллекция сейчас хранится в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки: в ее состав входят персидские, арабские и тюркские рукописи — образцы всемирно известных школ миниатюр (Гератской, Тебризской, Ширазской, Исфаганской) и каллиграфии эпохи Тимуридов и Сефивидов. За взятие Ардебилля Сухтелен был пожалован в генерал-адъютанты. 10 февраля в Туркманчае был подписан русско-персидский мирный договор.

8 мая 1828 г. Павла Петровича направили в армию графа П. Х. Витгенштейна, начавшую военные действия против Турции. Он принимал активное участие в организации переправы у Сатунова (27 мая), отличился при осаде Браилова, где вел переговоры с комендантом Сулейман-пашой. Затем ему поручили отдельный отряд, блокировавший крепость Варну. В конце 1828 г. Сухтелен вступил во временное командование сводным пехотным корпусом, расположенным на зимние квартиры в Бабадаге, и управлял гражданской частью этой области в течение зимы. В феврале 1829 г. он возвратился в Петербург и был награжден за турецкую кампанию золотой шпагой с надписью «За храбрость», украшенной бриллиантами, и орденом Св. Владимира II степени. В июле 1829 г. П. П. Сухтелен подготовил очередной проект, носящий название «Предположения о 3-й кампании турецкой графа Дибича и графа Паскевича»,²⁷ который так и остался на бумаге.

С июля по ноябрь 1829 г. в России находилось персидское посольство во главе с принцем Хозрев-Мирзою, прибывшим в Петербург для принесения извинений за убийство в Тегеране дипломата А. С. Грибоедова. Генерал-адъютанта Сухтелена назначили состоять при посольстве, и 28 июля он встретил принца в Новгороде. Сохранился его дневник с 9 августа по 17 октября 1829 г., где подробно описано пребывание восточного принца в Петербурге.²⁸ Этот дневник Ю. Тынянов использовал в романе «Смерть Вазир-Мухтара», и таким образом Павел Петрович еще раз стал литературным героем. Покидая Россию, Хозрев-Мирза наградил графа Сухтелена персидским орденом Льва и Солнца I степени с алмазами, хотя был сердит на него за то, что он вывез Ардебильскую библиотеку в Россию без особого на то приказа императора.

По окончании персидской и турецкой войн Сухтелена считали в правительственных кругах одним из самых опытных специалистов «по восточному вопросу». В начале 1830 г., когда Франция готовилась к экспедиции в Алжир, Сухтелен написал по приказу Николая I записку об особенностях ведения войны против восточных народов. Этот документ был передан во французское посольство в Санкт-Петербурге.²⁹

Генерал Сухтелен входил в состав комиссии, рассмотревшей вопрос о создании Императорской Военной академии. После ее открытия в 1832 г. почетными членами Академии стали сразу два генерала Сухтелена — Петр Корнилиевич и Павел Петрович.

21 апреля 1830 г. графа П. П. Сухтелена назначили оренбургским военным губернатором и командиром Отдельного Оренбургского корпуса. Одновременно он удостоился «Высочайшего благоволения и совершенной признательности за отличное усердие и деятельность, оказанные во время исправления должности генерал-квартирмейстера Главного штаба, к полному удовольствию Его Величества»³⁰ и табакерки с портретом императора, украшенной бриллиантами. На посту военного губернатора одной из самых обширнейших губерний Павел Петрович проявил себя как опытный администратор. Губернским городом Оренбургской губернии в то время была Уфа, но резиденция военного губернатора, а значит и управление краем, находились в уездном Оренбурге.

Он провел ряд преобразований в Оренбургском казачьем войске: казакам отвели всю землю вдоль левого берега реки Урал на 15 верст, а население этой территории (башкиры и мещеряки) обратили в казачье сословие; были созданы первые конские заводы; за казаками закрепили исключительное право рыбной ловли на Урале. В 1832 г. государственным крестьянам было позволено селиться на границах новой Оренбургской линии с причислением их в казачье сословие. По инициативе Сухтелена новополюсские казачьи станицы в Верхнеуральском уезде получили свои названия в честь славных побед русского оружия, и сейчас на карте Оренбургской области значатся — Лейпциг, Фершампенуаз, Париж, Кассель, Ульм, Шевардинский редут, Бородино, Тарутино.

Павел Петрович активно способствовал распространению просвещения во вверенной ему губернии. В 1832 г. в Оренбурге было открыто сразу два училища: приходское и девичье, предназначенное для воспитания дочерей нижних воинских чинов. В Челябинске открыли уездное училище. При Неплюевском военном училище был основан историко-археологический музей, которому Сухтелен подарил редкие серебряные монеты.

В 1830 г. Сухтелен обратился к министру внутренних дел с просьбой о разрешении издавать в Оренбурге губернскую газету. Однако решение этого вопроса затянулось: чтобы убедить министра, он отпечатал пробный выпуск газеты и один экземпляр послал в Петербург. Павел Петрович хотел, чтобы газета стала летописью Оренбургской губернии, в ней должны были помещаться материалы по истории, археологии, этнографии, статистике, народному просвещению, текущим событиям общественной жизни, новости из Средней Азии. Первых номеров

«Оренбургских губернских ведомостей» Сухтелен так и не увидел, они вышли в свет после его смерти. Однако присланные им сообщения о событиях в Оренбургской губернии публиковались в столичной «Северной пчеле» и даже «Дерптском ежегоднике».

Известно, что Павел Петрович имел прекрасную библиотеку, насчитывавшую несколько сотен книг на различных языках, в том числе научные труды по военному искусству, истории, статистике, естественной истории, технологии, художественную литературу и описания путешествий. Некоторые книги, ранее принадлежавшие П. П. Сухтелену, в настоящее время хранятся в фондах Российской национальной библиотеки. Книжное собрание губернатора частично возмещало отсутствие в Оренбурге общественной библиотеки,³¹ о создании которой он также заботился.³²

Сухтелен подготовил проект создания Башкирского войска, частично претворенный в жизнь уже после его смерти. Штат управления Башкирским войском утвердили в 1836 г., и в таком виде оно просуществовало до 1865 г. Сухтелен был против вмешательства во внутреннюю жизнь киргизов, ограничиваясь только попытками распространить прививку оспы. По его поручению хан Джингадер разработал киргизское законодательство, основанное на традиционном праве, но оно не прижилось. Сухтелен придавал большое значение просвещению в мусульманской среде, с целью уменьшения влияния духовенства. В 1832 г. при типографии в Оренбурге было открыто восточное отделение для печатания книг на арабском шрифте. В 1835 г. по ходатайству Сухтелена при Казанском университете учредили 20 стипендий для мусульман.

Осень 1831 — весну 1832 г. Павел Петрович провел в Петербурге, однако большая часть поданных им представлений, несмотря на его присутствие в столице, оставалась без удовлетворения.³³ При отъезде к месту службы он был награжден орденом Св. Александра Невского «за неутомимые труды и примерную заботливость о благоустройстве края, равно и войск».

20 марта 1833 г. граф Павел Петрович Сухтелен скоропостижно умер в Оренбурге. Он был лютеранином, и его похороны потребовали некоторого компромисса между религиозными обрядами. Современники отмечали, что в период своего губернаторства Сухтелен проявлял уважение к православному духовенству, прежде всего к архиепископу Оренбургскому Михаилу. Он выезжал встречать православного владыку за тридцать верст от города, всегда отводил гостю покой в своем собственном доме.³⁴ После смерти губернатора православное духовенство отдало покойному должное уважение, сумев примирить межконфессиональные противоречия — П. П. Сухтелена похоронили в ограде городского собора Св. Петра и Павла, позволив отслужить службу местному пастору. При этом запись о смерти лютеранина внесли в метрическую книгу православного храма.³⁵ На его могиле установили небольшой, изящный памятник в виде гранитной скалы с металлическим крестом на ней. К сожалению, «во времена оные» этот храм сравнивали с землей, вместе с могилой нашего героя. Теперь о военном губернаторе напоминает

только поселок «Сухтеленевский», в Верхнеуральском районе Челябинской области, основанный в 1831 г. как форпост для новолинейных казаков.

По свидетельству современников, Николай I был искренне опечален сообщением о его смерти: «Вчера Государь получил известие, которое, как говорят, очень его тронуло. Внезапно скончался граф Сухтелен, оренбургский военный губернатор. Апоплексический удар поразил его в то время, как он подписывал бумаги. Это великая утрата для края, в котором оставалось ему еще столько устроить, и я полагаю, что заменить его будет весьма нелегко».³⁶

Еще при жизни Павел Петрович получил известность не только как боевой генерал и опытный администратор, но и своими военно-историческими сочинениями. В 1823 г. в журнале «Северный архив» была опубликована составленная им «Краткая выписка, когда именно происходили воинские действия с неприятелем в продолжение кампании 1789 года со шведами».³⁷ Несмотря на название, это достаточно подробное описание всех военных действий в 1789 г. Изложение идет по дням, составляя «ежедневник», именно в такой форме вели «Журналы военных действий» квартирмейстерские офицеры. Описание Сухтелена основано на журнале исходящей переписки главнокомандующего русской армией, о чем свидетельствуют уточнения в конце каждого описания. Так, описание военных действий первого дня завершается фразой — «Обстоятельная о сем реляция к Ея Императорскому Величеству послана сего же числа под № 1». Интерес Павла Петровича к этой войне неслучаен, поскольку одним из отличившихся генералов был его отец.

В 1827 г. в Петербурге вышла книга «*Précis des évènements militaires des campagnes de 1808 et 1809 en Finlande, dans la dernière guerre entre la Russie et la Suède, par le L.-G. C. P. de S****». Чье имя скрывалось за инициалами, для современников загадкой не было, они раскрываются следующим образом: lieutenant-general comte Paul de Suchtelen. В первой же рецензии, опубликованной в «Военном журнале», авторство книги было раскрыто.³⁸ В предисловии Павел Петрович сообщал, что издает книгу в количестве 250 экземпляров с намерением распространить их среди друзей-офицеров, надеясь в дальнейшем подготовить второе издание с учетом замечаний и картой театра военных действий. В 1828—1829 гг. полный перевод книги на русский язык был опубликован в журнале «Славянин».³⁹ Издатель журнала А. Ф. Воейков сообщил читателям, что П. П. Сухтелен написал свое сочинение на основе документов из архива отца и записок графа Ф. Ф. Буксгевдена.⁴⁰ Отдельное издание на русском языке с приложением карты вышло в 1832 г., но на титульном листе, при указании имени автора допустили ошибку: «Картина военных действий в Финляндии, в последнюю войну России с Швециею, в 1808 и 1809 годах. Соч. графа П. К. Сухтелена». Таким образом, авторство книги оказалось приписанным отцу, и до сих пор она продолжает числиться в библиотечных каталогах и библиографических указателях как сочинение Петра Корнилевича Сухтелена.⁴¹

Книга Павла Петровича имела успех. Ее высоко оценил авторитетный военный теоретик и историк Г. Жомини.⁴² Примечательно суждение по поводу книги ли-

тератора Ф. В. Булгарина: «Сочинение графа П. П. Сухтелена особенно важно в стратегическом отношении, потому что он сам был отличный генерал и, участвуя в войне, знал местности края, а кроме того, пользовался советами знаменитого своего родителя, бывшего в армии первым лицом после главнокомандующего». ⁴³

Советы отца, безусловно, отразились на сочинении, особенно при описании занятия русскими войсками неприступного Свеаборга. В Швеции до сих пор уверены в подкупе адмирала Кронстедта, возглавлявшего оборону крепости. Первоклассная крепость, с запасом оружия и продовольствия, была сдана русским войскам без кровопролитного сражения. Объяснение этому факту шведы нашли в неких «бочонках с золотым порохом», которые якобы использовали для подкупа. Кронстедта по окончании войны пытались предать военному суду, его спасло только заступничество русского императора. В Швеции было хорошо известно, что именно П. К. Сухтелен руководил осадой крепости и переговорами с ее защитниками. Одержав победу над сильным противником, безусловно, честь, но купить победу — заслуга небольшая, так считали в Стокгольме, где Сухтелен-старший прожил четверть века. Все эти годы он пытался отвести от себя подозрения в подкупе Кронстедта, сын попытался помочь ему в этом своим историческим сочинением. Павел Петрович изложил историю падения Свеаборга по рассказам отца. Это глава является, пожалуй, самой неубедительной в книге, но надо заметить, что историки Швеции и Финляндии до сих пор не пришли к однозначной трактовке трагических событий 1808 г., настолько это болезненный вопрос для военно-исторической памяти нации. ⁴⁴

Безусловной заслугой Сухтелена надо признать освещение партизанской войны в Финляндии, с которой столкнулась русская армия. Впоследствии об этой страшице русско-шведской войны постарались позабыть, несмотря на то, что партизанская война в 1812 г. была организована, в том числе, с учетом финского опыта. Именно в Финляндии Д. В. Давыдов, будучи офицером армии, вторгнувшейся на чужую территорию, на собственном опыте узнал, что такое народная война, когда на борьбу с захватчиками поднимается население. Шведский унтер-офицер Ротт, финн по национальности, был послан с небольшим отрядом из своих земляков для действий на коммуникациях русского корпуса генерала Раевского. Его действия, опиравшиеся на поддержку населения, были столь удачны, что целый корпус русской армии оказался в отчаянном положении и «едва не был истреблен».

Сухтелен подчеркивал описательный, а не критический характер своего сочинения: «Находясь в рядах воинов простым очевидцем сих военных действий и многочисленных затруднений, представляемых театром войны, автор весьма далек от того, чтобы судить о сделанных в продолжение сей войны ошибках. Он представляет сей, нередко полезный труд тем, кои особенно занимаются Военною Историею. Что же касается до него, то он, сохранив всю возможную верность в своем повествовании, тогда только удостоверится, что не напрасно употребил для того свои досуги, когда будущий историк или критик, одаренный талантом, удостоит извлечь из его книги хотя несколько строк для составления творения, несравненно превосходнейшего». ⁴⁵

Спустя несколько лет, в 1841 г., из-под пера официального военного историографа А. И. Михайловского-Данилевского вышло «Описание Финляндской войны на сухом пути и на море, в 1808 и 1809 годах». Перед этим историком были открыты все государственные библиотеки и архивы, участники описываемых событий охотно предоставляли ему документы из частных архивов, в надежде увидеть свои имена запечатленными на страницах Истории. Однако основное различие этих двух трудов было не столько в источниковедческой базе, сколько в разности подходов к написанию истории, поскольку перед Михайловским-Данилевским ставили задачу воспеть победы русского оружия, без всяких реверансов в сторону достойного противника. Удивительно одно: этот историк сделал вид, что не знаком с трудом своего предшественника. В предисловии к своему труду Михайловский-Данилевский утверждает, что на русском языке нет ни одного сочинения, посвященного этой войне, хотя в тексте имеется ссылка на сочинение Сухтелена.

В Швеции книга Сухтелена вызвала большой интерес: ее перевод выдержал два издания,⁴⁶ причем имя автора было названо верно: Paul van Suchtelen. Переводчик барон Р. Вреде сопровождал сочинение русского генерала комментариями, основанными на документах из шведских архивов. В них уточняется численность войск; дается иная трактовка исхода некоторых сражений; приведены сведения о грабежах в городе Ваза войсками генерала Н. И. Демидова. Вскоре в Швеции вышли два полемических сочинения на книгу Сухтелена, авторами которых были известные шведские генералы Г. Лагербринг⁴⁷ и Н. Добельн.⁴⁸ Сухтелен и его книга получили признание: 22 апреля 1832 г. автора избрали членом Королевской Военной Академии в Стокгольме.

В Англии, бывшей союзницей Швеции в войне 1808—1809 гг., книгу Сухтелена также перевели. В 1828 г., при заключении Туркманчайского мира, Павел Петрович подарил экземпляр своего сочинения английскому генералу В. Монтиту, находившемуся в персидской армии в качестве советника, и спустя четверть века он перевел книгу на английский язык.⁴⁹

Признание военно-исторического сочинения со стороны недавних противников — случай в историографии достаточно редкий. Обычно все происходит с точностью наоборот: между представителями национальных историографий, как правило, возникают непримиримые противоречия. Счастливая судьба этой книги объясняется тем, что в течение жизни Сухтелен не только воевал против шведов, но и был их соратником во время похода в Норвегию, имел шведские военные награды, пользовался расположением короля, о чем говорилось выше. В своей книге он с уважением отзывался о противнике, «пытаясь заплатить достойную дань воинским доблестям двух наций». Будучи непосредственным участником сражений, он отмечал «военную вежливость», существовавшую между войсками: «Достойно замечания, что полковник Кульнев в порыве благородного великодушия, отличительной черты его характера, видя одного шведского офицера (Биорнстерну), подвергающегося явной опасности, запретил своим егерям стрелять по нем; тогда как Адлер-Крейц со своей стороны, движимый подобным чувством удивления, также отдал приказ щадить самого Кульнева. Война, кратко нами

здесь описываемая, представляет многие черты подобного соревнования, истинно рыцарского».⁵⁰ Историк не стеснялся отдать должное недавним врагам: шведского полковника Стиернвалля, взятого в плен в Форбийском ущелье, он называет «отличным офицером»; восторгается храбрым полковником Гриненбергом, спасшим шведскую артиллерию в Сундбисском ущелье. В одном из примечаний он приводит слова русского императора Александра I, которые тот произнес, узнав о стойкости защитников Свартольма: «Я не терплю трусов. Мне приятно слышать, что наши неприятели не таковы». С этой точки зрения Сухтелен был последователем своего современника, военного историка Д. П. Бутурлина, который в одном из своих сочинений писал: «Принявшись за перо для пользы Военной науки мы забывали, в чьих рядах сражались — и не стараясь ни раздражать ни ласкать чье-либо самолюбие, мы оуждали без снисхождения и хвалили без низости все то, что казалось нам сообразным или не сообразным с военными правилами».⁵¹ Но очень скоро, в середине 30-х гг. XIX в. этот дух «общегражданства» или космополитизма был окончательно отвергнут и дальнейшее развитие русской военной историографии шло в русле патриотического направления, наиболее проявившегося в трудах А. И. Михайловского-Данилевского.

В 1830 г. граф П. П. Сухтелен опубликовал анонимно в «Военном журнале» краткую биографию своего сослуживца, генерал-лейтенанта К. Х. Бенкендорфа.⁵² Этот незаурядный кавалерийский офицер отличился в войнах 1812—1814 гг., затем в течение шести лет был российским послом при Вюртембергском и Баденском дворах. Во время русско-персидской войны генерал Бенкендорф командовал отдельным отрядом. В 1828 г. он умер от лихорадки.

Больше при жизни П. П. Сухтелен не публиковался, но в ящиках стола историка, оказывается, имелись завершённые работы. В 1892 г. была опубликована его статья «Обзор военных событий 1811 года в Турции»,⁵³ обнаруженная в фамильном архиве. Из содержания видно, что писалась она, вероятно, в конце 20-х гг. с целью напомнить о заслугах князя М. И. Кутузова-Смоленского: «Изданием этой слабой попытки описания я, однако, не смею себя лелеять надеждою достичь вполне заявленной мною цели, к которой стремятся все издатели военных архивов. И ежели даже этот обзор попадет в число прекрасных работ, коими богаты архивы, то попадает конечно только как посвящение памяти фельдмаршала князя Кутузова, коего ни одна черта, ни одно действие не должно оставаться неизвестным для соотечественников и для истории царствования Александра».⁵⁴ В «Описании» охвачен только заключительный период войны, начиная с захвата турецкой армией Рушук, именно этот период является кульминационным в затянувшемся семилетнем противостоянии. Только Кутузов смог блестяще решить эту задачу, применив стратегию завлечения противника в глубь обороны, с последующим разгромом. Оставив визирю Рушук, Кутузов тем самым пригласил турецкую армию перейти Дунай, на левом берегу которого их ждала гибель. Так впервые была апробирована стратегия 1812 г.: принесение в жертву Москвы, ради окончательной и полной победы. В своем «Описании» Сухтелен делает также разбор ошибок великого визиря, приведших его к поражению.

В Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) удалось выявить рукопись еще одного сочинения П. П. Сухтелена — «Кампания 1814 г. во Франции», в котором описаны действия отряда генерала Винценгероде в январе-феврале 1814 г.⁵⁵ Там же хранится личный архивный фонд П. П. Сухтелена, насчитывающий 120 единиц хранения (Ф. 231). Большая часть документов посвящена приезду в Петербург персидского принца Хозрев-Мирзы, в том числе уже упоминаемый выше дневник посольства, составленный Сухтеленом из черновиков своих ежедневных отчетов императору о делах и словах восточного гостя. Дневник прекрасно дополняет переписка с официальными лицами и учреждениями. Представляют интерес его записки о служебных командировках, в период нахождения на посту генерал-квартирмейстера, записка «О персидских делах» с подробностями об увольнении А. П. Ермолова в 1827 г.

Два переплета со своими личными документами (патенты на чины, рескрипты и т. д.) Павел Петрович завещал передать в Библиотеку Главного штаба, откуда они спустя несколько десятилетий поступили в РГВИА и были присоединены к личному фонду его отца (Ф. 985). Вероятно, опять произошла путаница, на этот раз архивисты спутали отца и сына. Личные документы позволяют уточнить многие факты его жизни. Как оказалось, П. П. Сухтелен был записан на военную службу полутора лет от роду сержантом в лейб-гвардии Измайловский полк и сразу же «отпущен домой до окончания наук», но ни в одном из послужных списков этот факт не отражен. В фонде П. К. Сухтелена имеются и другие документа сына, в том числе несколько записок о Турции, ее отношениях к России и Европе. Более детальное знакомство с архивами П. К. и П. П. Сухтеленов позволит исследователям выявить и другие исторические документы, представляющие научный интерес.

¹ Сборник биографий кавалергардов. СПб., 1906. Т. 3. С. 123.

² Эпизод из Аустерлицкого боя (сообщ. Н. К. Шильдер) // РС. 1890. № 10. С. 211.

³ Я молод, это так; но, если сердце смело, оно не станет ждать, чтоб время подоспело (Перевод М. Лозинского).

⁴ Письмо графа Ф. Ф. Буксгевдена к графу Н. П. Румянцеву от 17 марта 1808 г. (копия) // ОР РНБ, ф. 859, карт. 5, № 13, л. 179.

⁵ Письмо А. А. Аракчеева к императору Александру I от 7 (19) марта 1809 г. // Внешняя политика России XIX и начала XX века (далее — Внешняя политика...). Сер. 1. Т. 4. С. 537.

⁶ Там же. Т. 5. С. 483.

⁷ Письмо С. Н. Маркова к графу М. С. Воронцову от 11 августа 1811 г. // Архив князя Воронцова. М., 1889. Т. 35. С. 457.

⁸ Столетие Военного министерства (далее — СВМ). СПб., 1904. Т. 2, кн. 2. С. 398.

⁹ Приказ П. Х. Витгенштейна П. В. Голенищеву-Кутузову от 2 декабря 1812 г. // ОР РНБ, ф. 993, карт. 70, инв. № 1050, л. 1.

¹⁰ РГВИА, ф. 99, оп. 1, ед. хр. 992, л. 36.

¹¹ СВМ. СПб., 1904. Т. 2, кн. 2. С. 391.

¹² Соколовская Т. Материалы по истории масонства в прежней русской армии // РС. 1907. № 6. С. 664.

¹³ В Стокгольм к отцу он ездил многократно, и трудно сказать, когда эта поездка носила личный характер, а когда совершалась с дипломатическим поручением. 6 декабря 1818 г. он отправился в Швецию

- в отпуск на четыре месяца. В марте — июле 1829 г. Сухтелен находился в отпуске «в Швеции и Германии для излечения болезни».
- ¹⁴ Из записной книжки графа П. П. Сухтелена // РА. 1876, кн. I. № 3. С. 346—355.
 - ¹⁵ Долгоруков И. М. Капище сердца моего... М., 1874. С. 65.
 - ¹⁶ Россия и Русский двор в 1839 г. Записки Гагерна // Русская старина. 1890. Т. 65. С. 293.
 - ¹⁷ Письмо П. П. Сухтелена к К. В. Нессельроде от 14 (26) декабря 1822 г. // Внешняя политика... Сер. 2. Т. 4. С. 614—616.
 - ¹⁸ Подорожная, подписанная маркизом Ф. Пауллуччи, 14 октября 1825 г. (ОР РНБ, ф. 993, карт. 68, инв. № 828, л. 5).
 - ¹⁹ Письмо Н. И. Селявина к П. Д. Киселеву от 30 ноября 1826 г. // РС. 1900. № 3. С. 655.
 - ²⁰ Между этими двумя генералами существовало полное взаимопонимание, один из историков назвал Сухтелена «alter ego» Дибича.
 - ²¹ Епанчин Н. Очерк похода 1829 г. в Европейской Турции. СПб., 1905. Ч. 1. С. 165—168.
 - ²² Сухтелен П. П. Мысли о способах ведения военной рекогносцировки в Турецкой Империи // Известия Тамбовской ученой архивной комиссии (далее — Известия ТУАК). Тамбов, 1892. Вып. XXXII. С. 137—139.
 - ²³ Высочайшие указы 1827 г. (РГИА, ф. 469, оп. 1, д. 44. Указ от 17 мая 1827 г.).
 - ²⁴ См.: Щербатов А. П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. СПб., 1890. Т. II. Приложения. С. 52—55, 103—106; СПб., 1891. Т. III. Приложения. С. 53—54.
 - ²⁵ Записки Н. Н. Муравьева-Карского // РА. 1891. Кн. 3. С. 18.
 - ²⁶ См.: Борщевский Ю. Е. История приобретения Ардебильского собрания рукописей Россией // Формирование гуманистических традиций отечественного востоковедения. М., 1984. С. 204—217.
 - ²⁷ Сухтелен П. П. Предложения графа Сухтелена о 3-й кампании турецкой графа Дибича и графа Паскевича // Известия ТУАК. Тамбов, 1892. Вып. XXXII. С. 132—137.
 - ²⁸ Дневник графа П. П. Сухтелена о пребывании Персидского посольства в Петербурге в 1829 году // РА. 1889. Кн. 1. С. 240—260.
 - ²⁹ РГВИА, ф. 440, оп. 1, ед. хр. 18, л. 7—21.
 - ³⁰ СВМ. СПб., 1910. Т. IV, ч. 2, кн. 2. Отд. 1. С. 74.
 - ³¹ Oeffentliche und Privat-Buchersammlungen im Orenburgischen Gouvernement // Dorpater Jahrbucher. 1833. Bd. 1. S. 190—193.
 - ³² Столянский П. Н. Об устройстве библиотек в 30-х годах прошлого столетия в Оренбургском крае // РА. 1903. Кн. 2. С. 293.
 - ³³ Воспоминания В. И. Панаева // Вестн. Европы. 1867. Т. 4. С. 164.
 - ³⁴ Н. И. Ильминский // РА. 1898. Кн. 3. С. 274.
 - ³⁵ Сахаров И. В. Российские графы Сухтелен, их потомство и родственное окружение // Сухтеленские чтения. СПб., 2002. С. 121.
 - ³⁶ Письмо А. Н. Мордвинова к графу А. Х. Бенкендорфу от 1 апреля 1833 г. // РА. 1886. Кн. 3. С. 413.
 - ³⁷ Северный архив. 1823. № 21. С. 167—182; № 22. С. 231—246.
 - ³⁸ О книге «Précis des événements militaires des campagnes de 1808 et 1809 en Finlande, dans la dernière guerre entre la Russie et la Suède, par le L.-G. C. P. de S***». (St. Petersburg, 1827) // Военный журнал. 1829. № 6. С. 70—118.
 - ³⁹ Взятие Свеаборга в 1808 году // Славянин. 1828. Ч. 8. С. 117—128; Финляндский поход 1808 года во время последней войны России с Швецией // Там же. 1829. Ч. 10. С. 13—27, 79—104, 159—168, 225—240, 294—319, 347—358, 411—423; Ч. 11. С. 5—19, 65—77, 131—144, 195—211; Финляндский поход 1809 года во время последней войны между Россией и Швецией // Там же. С. 315—353.
 - ⁴⁰ Письмо А. Ф. Воейкова к Ф. Н. Глинке от 16 сентября 1829 г. // РС. 1908. Т. 133. С. 452.
 - ⁴¹ Еще одна загадка этой книги — имя переводчика на русский язык, которое на титульном листе не указано. В «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона переводчиком назван Василий Михайлович Соколов (ум. 1832), к сожалению, без указания на источник сведений.
 - ⁴² Письмо Г. Жомини к П. К. Сухтелену, б. д. (ОР РНБ, ф. 993, карт. 66, инв. № 589, л. 2).

- ⁴³ *Булгарин Ф. В.* Воспоминания. СПб., 1848. Ч. 4. С. 8.
- ⁴⁴ *Paaskoski J.* Quartermaster-General Jan Pieter van Suchtelen and the Capitulation of the Sveaborg Fortress, 1808 // Сухтеленевские чтения. СПб., 202. С. 70—83.
- ⁴⁵ *Сухтелен П. П.* Картина военных действий в Финляндии, в последнюю войну России с Швецией, в 1808 и 1809 годах. СПб., 1832. С. 168—169.
- ⁴⁶ *Suchtelen P.* Kriget emellan Sverige och Ryssland, åren 1808 och 1809 / Ofversatt af R. F. G. Wrede. Stockholm, 1835; 2-е изд., 1836.
- ⁴⁷ *Lagerbring G.* Betraktelser i anledning af ryske generalen P. v. Suchtelens historiska berättelse om kriget mellan Sverige och Ryssland åren 1808 och 1809. Upsala, 1836.
- ⁴⁸ [*Döbeln N. von*]. Bidrag till historien om 7ren 1808, 9 och 13, i anledning af professor Arndts, generalerne greve van Suchtelens och friherre Lagerbrings arbeten / Af N-v-n. Stockholm, 1840.
- ⁴⁹ *Suchtelen P.* Narrative of the conquest of Finland by the Russians in the years 1808—1809 / Ed. by gen. Monteith. London, 1854.
- ⁵⁰ *Сухтелен П. П.* Картина военных действий в Финляндии, в последнюю войну России с Швецией, в 1808 и 1809 годах. С. 29.
- ⁵¹ *Бутурлин Д. П.* Картина осеннего похода, 1813 г., в Германии, после перемирия, до обратного перехода Французской армии чрез Рейн... служащее продолжением Истории нашествия императора Наполеона на Россию. Пер. с франц. СПб., 1830. С. IV.
- ⁵² [*Сухтелен П. П.*] В память сослуживца на военном поприще // Военный журнал. 1830. № 1. С. 192—207.
- ⁵³ *Сухтелен П. П.* Обзор военных событий 1811 года в Турции // Известия ТУАК. Тамбов, 1892. Вып. XXXIII. С. 123—132.
- ⁵⁴ Там же. С. 124.
- ⁵⁵ *Suchtelen P.* Campagne de 1814 en France (РГВИА, ф. ВУА, л. 4118).

А. В. Антощенко

П. Г. Виноградов об университетском вопросе в России на рубеже XIX—XX вв.

«Нельзя не признать национальным несчастьем, что мы до сих пор стоим перед „университетским вопросом“, — констатировал в 1901 г. в своей статье об учебном деле в университетах известный российский историк Павел Гаврилович Виноградов (1854—1925), чьи взгляды на данную проблему анализируются в статье. Важность их рассмотрения определяется, во-первых, тем, что поиск путей решения университетского вопроса шел в общем русле оформления либеральной программы ученого, публичные выступления которого были значимы для формирования общественного мнения в России. Поэтому анализ его представлений о способе и средствах преодоления кризисных явлений в университетском образовании позволит лучше понять основания его политических взглядов и точнее оценить степень их влияния на общественное сознание московской профессуры. Во-вторых, нерешенность университетского вопроса стала в значительной мере причиной его ухода в 1901 г. из Московского университета и последующей эмиграции, опреде-